

Самая благородная и сладкая
месть — это прощение.

Пьер Буаст

Бабушка

Похожий сон Дима Свободин видел уже не первый раз, он повторялся неоднократно, а в последние месяцы все чаще и чаще. И этот кошмар, с жутким упорством воспроизводящий события многолетней давности, каждый раз изобиловал массой таких пугающих деталей, которые не были им замечены в тот день, когда все случилось. И это было понятно — трагедия произошла почти семнадцать лет назад, когда ему едва исполнилось пять.

В то время они всей семьей отдыхали на Черном море, в районе Анапы, в частном доме. В их двор часто захаживала бездомная дворняга. С грязной, свалявшейся шерстью, хромающая на заднюю лапу, она бродила по округе и преданно заглядывала каждому встречному в глаза, выпрашивая еду. Местные жители давно привыкли к ней и изредка кидали корку хлеба или кость. Ее все почему-то называли Елкой. Почему именно Елка? Да кто теперь знает. Елка и Елка. Дима тогда про себя решил, что, наверное, это из-за шерсти собаки, которая со временем превратилась в заскорузлый колтун, словно когда-то мягкая шубка внезапно ошетинулась хвойными колючками. И действительно, однажды, набравшись храбрости и осторожно погла-

див Елку, он с изумлением ощутил подушечками пальцев загрубевшую шершавую корку.

Маленький Димка тоже подкармливал Елку, тайком, чтобы этого не видели взрослые. Прятал в карман кусок хлеба или половину котлеты и бежал на улицу, высматривая бездомную псину. Елка постепенно тоже привыкла к нему и, потявкивая, бежала навстречу, радостно виляя облезлым хвостом. Она быстро и жадно проглатывала угощение, просительно глядела на Диму своими большими слезящимися глазами. В то лето Елка встречала его уже беременной, и Дима, сгорая от нетерпения, ждал, когда наконец на свет появятся щенки.

Но щенки не появились.

Мучивший его навязчивый сон начинался как обычно ровно и безмятежно. Солнечное, теплое утро, на завтрак — душистые аппетитные блины со сметаной и абрикосовым вареньем. Дима тайком прихватывает два блина и торопливо засовывает их в шорты — родители не одобряли его сентиментальные порывы кормить беспризорную живность в округе. Вокруг карманов штанишек проступают жирные пятна, но мальчик не придает значения этим мелочам и спешит на улицу. Пора накормить Елку — она вот-вот должна родить, и ей нужно хорошо кушать!

Он выбегает на дорогу, бросив распахнутой калитку. Собаки нигде нет.

Выкрикивая ее имя, Дима идет искать бедную дворнягу. Странно, куда она подевалась?! Блины в карманах слиплись, превратившись в бесформенные остывающие комочки.

«Елка, Елка», — зовет он, крутя по сторонам стриженной головой.

Где же она? Он уже дошел до колодца, а дальше начинается асфальтированная дорога, по которой ез-

КЛАСС. ИСТОРИЯ ОДНОГО КОЛУМБАЙНА

дят машины и автобусы, и родители строго-настроено запрещали так далеко уходить, но псины все не видно.

«Я только посмотрю, нет ли там собаки, и сразу обратно», — решает мальчик.

Он приближается к трассе и видит, что на пыльной обочине лежит что-то неопределенное, бесформенное, грязное, серо-красное, и *это* мерзкое существо шевелится. Внутри Димы что-то неприятно царапает, словно предвещающая беду.

Он напряженно вглядывается и внезапно вздрагивает от всполыхнувшей догадки: «Это — Елка!» Собака еще жива, ее трясет как в ознобе. Она судорожно открывает и закрывает пасть, словно ей не хватает воздуха. Голова и передняя часть Елки целая, а вот то, что начинается потом... Белый как мел, Дима неотрывно смотрит на агонию бедного животного.

«Это похоже на кашу. Красную кашу», — возникает у парнишки мысль. И даже много-много дней и месяцев спустя при одном лишь воспоминании об этом перед глазами возникал багровый туман, а живот мальчика скручивали спазмы.

Но это случится потом. А сейчас...

На раскаленном от солнца асфальте виднеется алый блестящий след, и Дима не сразу догадался, что Елку сбила машина, и она из последних сил отползла на обочину.

Из глотки собаки доносятся какие-то хрипы, и в какой-то безумный миг мальчику чудится, что умирающая собака хочет ему что-то сказать.

Чудовищное зрелище оглушило и раздавило его, никогда ничего подобного за всю свою короткую жизнь Дима не видел. Словно в чужом теле, он неосознанно делает шаг вперед. Он чувствует, будто что-то сдерживает его, как... стальной обруч.

Собака хрипит, ее глаза затуманиваются.

«Елка, — шепчет Дима, чувствуя, как что-то щиплет его глаза. — Елка, Елочка... не умирай, пожалуйста!»

«Дима!»

Он вздрагивает, с ужасом глядя на Елку. Кто зовет его по имени?

«Дима, помоги!»

Стекленеющий взгляд издыхающей собаки гипнотизирует.

«Елка? Это ты мне?» — тихо спрашивает он.

«Помоги, внучок», — уже отчетливо произносит Елка.

Ошарашенный Дима, спотыкаясь на ватных ногах, пятится назад.

«Дима!»

По телу собаки пробегает предсмертная дрожь, и мочевого пузыря Димы опорожняется сам по себе. По бежевым шортикам расплывается темное пятно.

«Меня накажет мама», — отстраненно думает он.

Блины, уже остывшие, до сих пор лежат в карманах. Дима понимает, что Елка уже никогда не попробует эти блины. Впрочем, как и другие вкусности, которые он всегда приносил этой бездомной собаке...

Глаза застилают слезы, жгучие и прозрачные.

— Дима!

Опоясывающий его стальной обруч разваливается, и он, набрав в воздух легкие, кричит, зажмуриваясь от ужаса...

Он тут же разлепил веки, с гулко стучащим сердцем подскочив на постели. Солнце еще не встало, в комнате царит предрассветный полумрак. Дмитрий коснулся лба, покрытого холодной испариной.

«Бедная Елка. Бедные щенки».

КЛАСС. ИСТОРИЯ ОДНОГО КОЛУМБАЙНА

Эта мысль вонзается в его сознание и, мягко рассекая действительность, скользит следом за обрывками жуткого сна, будто увлекаемый ветром пожухлый лист.

— Ди... мочка!

Он вздрогнул, словно получив пощечину. Моргнул несколько раз, чтобы окончательно убедиться, что все происходит наяву. Но этот хриплый, надрывный голос...

— Ди... — снова послышалось откуда-то из коридора.

«Бабушка!»

От этой пронзительной догадки Дмитрия словно обдало жаром. Путаясь в одеяле, он спрыгнул с кровати и бегом кинулся из комнаты.

Маргарита Васильевна лежала в коридоре, рядом с ванной комнатой, и в какие-то доли секунды парню показалось, что это вовсе не бабушка, а умирающая Елка с разорванным животом. Дмитрий упал на колени перед старой женщиной, с затаенным страхом вглядываясь в ее бледное осунувшееся лицо.

— Димочка, — с усилием проговорила Маргарита Васильевна, невидяще глядя на внука.

— Бабуля, что с тобой? Ты поскользнулась?

Дмитрий прилагал невероятные усилия, чтобы его голос звучал спокойно, но это не очень-то получалось — внутри уже все ходило ходуном от нарастающей паники. Бабушка была в длинной просторной ночной рубашке, и он торопливо поправил ткань, закрывая ее дряблое бедро.

— Я тебе сейчас помогу! Все будет в порядке...

Он обошел лежащую старушку и, присев на корточки, осторожно взял ее под мышки. Но лишь стоило приподнять ее, как из блеклых губ бабушки вырвался протяжный стон. Дмитрий испуганно разжал пальцы.

— Боль... больно, — прошептала Маргарита Васильевна. — Спина...

Дмитрий выпрямился, оглядываясь по сторонам.

— Я вызову «Скорую», — сказал он наконец.

Бабушка молча смотрела на него, и вновь молодой человек подумал, что на него глядит умирающая Елка.

— Спину не чувствую, — чуть слышно пробормотала бабушка. — Ноги... отнялись... я тебя... плохо вижу... Дай руку...

— Сейчас, сейчас, погоди, — заторопился Дмитрий. Он бросился к телефону, на ходу вспоминая, по какому номеру вызывать «Скорую помощь».

«103» — щелкнуло в мозгу, и он, нажав нужные клавиши, с замершим сердцем прижал трубку к уху.

— Пожалуйста, человеку плохо! — заговорил он, услышав безликий голос диспетчера. — Возраст? Восемьдесят семь. Она упала, на полу лежит, что-то с позвоночником!.. Адрес...

Закончив разговор, он повернулся к бабушке.

— Скоро приедут врачи, — сообщил он, стараясь унять дрожь, волнами пробегающую по всему телу. — Не переживай, тебе обязательно станет легче!

Маргарита Васильевна ничего не ответила. Глаза ее широко раскрылись, дыхание стало клокочущим, словно она захлебывалась, и Дмитрия охватил отчаянный страх. Что делать в таких случаях?! Перевернуть на живот?

— Димочка... дай... руку, — прохрипела бабушка. Старческая грудь под ночной рубашкой ходила ходунком, страшные хлюпающие звуки, доносящиеся из ее рта, становились громче и отчетливее. Казалось, внутри Маргариты Васильевны что-то лопалось и рвалось. Она с трудом приподняла свою руку, высохшую, с набухшими фиолетовыми венами, и Дмитрий обхватил

КЛАСС. ИСТОРИЯ ОДНОГО КОЛУМБАЙНА

ее пальцами, поразившись, насколько холодной была ее кожа. словно вся кровь в сосудах и венах бабушки превратилась в кристаллики льда.

— Прощу тебя, потерпи немножко, — взмолился он. — Скоро все закончится!

Глаза пожилой женщины закатились, пальцы впились в ладонь внука, и Дмитрий почувствовал, как в горле застрял комок.

«Где же “Скорая”? Сколько еще ждать?» — безостановочно крутилась в голове мысль.

Так он и сидел, сжимая холодные пальцы бабушки. И хотя прошло всего несколько минут, Дмитрий был уверен, что как минимум пролетел час.

— Я напомню им, — произнес он, аккуратно высвобождая пальцы. — Я только еще раз позвоню... Они ведь должны быстро приехать... Может, они неправильно записали адрес...

Тело Маргариты Васильевны неожиданно выгнулось дугой, с губ сорвался короткий хрип. Дмитрий побледнел.

— Алло, «Скорая»! Подтвердите вызов, Песчаная улица, дом 12! Человек умирает! — закричал он, уже не сдерживаясь. — Почему так долго?! У нее конвульсии!

Гневно швырнув трубку, он вернулся к бабушке. Клокочущие звуки прекратились, бабушка лежала неподвижно, из полукрытого рта выползала пена. Мутнеющие глаза смотрели в потолок.

— Бабушка? — вполголоса позвал Дмитрий, боясь даже подумать, что произошло непоправимое. — Бабушка, я напомнил им, они сейчас придут!

Он осторожно коснулся ее руки. Пальцы даже не шевельнулись. И грудь Маргариты Васильевны больше не вздымалась.

— Бабуля, — шепотом позвал Дмитрий.

Тишина. Лишь в бабушкиной комнате слышалось монотонное тиканье настенных часов.

Он медленно протянул руку к морщинистой шее бабушки. Она, в отличие от ее рук, была еще теплой. Несколько минут Дмитрий тщетно пытался нащупать пульс, после чего вспомнил о зеркале. Он быстро поднялся и вошел в комнату бабушки.

«У нее просто приступ, — мысленно успокаивал он себя. — Все процессы замедлились, поэтому я не смог найти пульс...»

«А как насчет пены изо рта? — заговорил внутренний голос. — У нее была агония, и ты это знаешь. Просто боишься признать, что она мертва!»

— Нет! — крикнул Дмитрий и тут же испугался собственного голоса — он прозвучал как вопль обреченного. Схватив с застеленного скатертью стола зеркальце, он ринулся обратно. Затаив дыхание, он поднес его к застывшим губам бабушки. Спустя какое-то время внимательно осмотрел поверхность зеркала. Чисто, не единого пятнышка.

«Парень, у нее уже губы начали синеть», — прошептал все тот же голос, и рука Дмитрия дрогнула, едва не выронив зеркальце.

— Заткнись! — заорал он в пустоту. — Она жива!

Голос умолк, и молодой человек вновь опустил зеркало к губам бабушки. На этот раз он держал его так долго, что пальцы начали трястись. Дмитрий всхлипнул. Положив зеркальце рядом, он с трудом поднялся на непослушных ногах. В висках что-то бухало и грохотало, перед глазами плыл мутный туман, словно он нырнул в грязную воду.

Что делать теперь? Отнести ее в комнату?

Он глубоко вздохнул и затряс головой, пытаясь привести мысли в порядок.

КЛАСС. ИСТОРИЯ ОДНОГО КОЛУМБАЙНА

«Нет. Нельзя. Должна прийти полиция, пусть лучше все будет, как есть», — решил он.

Свободин старался не смотреть в лицо покойной, но его взгляд настойчиво, помимо воли, снова и снова возвращался к ее глазам, которые уже начала затягивать молочная пленка.

— Я накрою тебя простыней, бабуля, — тихо сказал он и на трясущихся ногах направился к шкафу с бельем. Но едва он выдвинул ящик, как в дверь позвонили. Дмитрий медленно выпрямился, глядя в сторону прихожей. С того самого момента, как он возился с зеркалом, у него совершенно вылетела из головы «Скорая помощь», время приезда которой уже превысило все мыслимые и немыслимые нормы. Только какой теперь смысл в этих врачах?!

В дверь снова позвонили, но Дмитрий с нарочитой неспешностью достал из ящика сложенную простыню и, расправив ее, бережно накрыл тело бабушки. Остались видны лишь ее ступни — одна босая, другая в тапочке. Дмитрий хорошо помнил эти пушистые синие тапочки — он сам подарил их бабушке в прошлом году. Родившаяся в деревне в многодетной семье, пережившая блокаду в Ленинграде и всю жизнь проработавшая медсестрой, Маргарита Васильевна знала цену деньгам и всегда трепетно относилась к вещам. Каких трудов Дмитрию стоило уговорить ее выбросить старые, стоптанные до дыр прежние тапочки!..

Зазвонил мобильный телефон, но он даже не взглянул в его сторону, направившись к двери.

«Зашевелились... Видать, врачи “Скорой” на станцию сообщили, а те сюда звонят», — понял он, возясь с замком — в последнее время ригель выдвигался и задвигался с большим трудом, и Дмитрий все собирал-

ся заняться им. Наконец внутри замка что-то щелкнуло, и он раздраженно распахнул дверь.

На пороге застыла бригада «Скорой»: мужчина и женщина в синей униформе со светоотражающими полосами. Они выжидающе сурово смотрели на Дмитрия.

— Пять минут под дверью стоим, — недружелюбно заметил мужчина. В его руке покачивался увесистый оранжевый чемоданчик.

— А я вас полчаса жду, — парировал Дмитрий, стараясь держать себя в руках.

— Кому нужна помощь? — вмешалась женщина, и парень посторонился, пропуская врачей в квартиру.

— Уже никому, — вырвалось у него, когда те остановились у тела бабушки.

На некоторое время врачи пришли в замешательство. Затем мужчина присел на корточки, откинул простыню, внимательно разглядывая труп. Женщина что-то спросила шепотом, но тот лишь покачал головой. Прижал ухо к груди старушки, пощупал пульс на шее, и Дмитрий, не выдержав, горько усмехнулся. Достав из кармана тоненький фонарик, врач посветил им в мутные глаза умершей, после чего решительно поднялся на ноги.

— Она только что умерла? — спросил он после паузы, и Дмитрий подумал, что это самый idiotский вопрос, который ему приходилось слышать. Даже если она умерла не только что, а час назад, это что-то изменит? Как в том дурацком анекдоте: «А больной перед смертью потел? — Да! — Это хорошо...»

— Она скончалась минут двадцать назад. Если бы вы приехали как положено, ее можно было бы спасти.

— Мы приехали, как только получили вызов, — возразила женщина, и в ее усталом голосе прозвуча-

КЛАСС. ИСТОРИЯ ОДНОГО КОЛУМБАЙНА

ла обида человека, часто подвергаемого несправедливым обвинениям. — Неужели вы считаете, что мы специально ждали? Или просто катались по улицам с мигалкой?

— Лена, брось, — обронил врач, убирая фонарик в карман. — Не оправдывайся.

Дмитрий едва не задохнулся от возмущения. Не оправдываться?! Он не ослышался?!

С его губ уже была готова сорваться гневная реплика, но что-то удержало его, и он лишь с силой стиснул зубы.

Тем временем врач по телефону вызывал перевозку, называемую часто просто «труповозкой». После этого вызвал полицию, сообщив о происшедшем. Продиктовав дежурному адрес, он взглянул на Дмитрия, который дрожал, как натянутая струна. Его пальцы судорожно сжимались и разжимались, как у бойца, вот-вот готового ринуться в схватку.

— Остынь, парень, — обронил врач. — Даже если мы были бы здесь, когда с ней произошел приступ, мы не смогли бы спасти ее. Судя по всему, у твоей родственницы обширный инфаркт. Да и не молоденькая она уже, прямо скажем.

— Вы должны были приехать раньше, — тихо повторил Дмитрий.

Врачи переглянулись.

— Ладно, нам тут делать нечего, — подытожил мужчина, поднимая чемоданчик. — Приготовь паспорт своей родственницы. И будь осторожен с ритуальными агентами — они сейчас сюда слетятся, только и будешь успевать отбиваться.

— Агенты? Да... — машинально проговорил Дмитрий.

Врачи вновь обменялись взглядами.